

7. Свод памятников истории и культуры Свердловской области: в 2-х т. Т. 1 / отв. ред. В. Е. Звагельская. – Екатеринбург: Сократ, 2007. – 536 с.

8. Устинова Е. А. Городские выставки детского творчества Нижнетагильского музея изобразительных искусств как фактор развития художественного образования в Нижнем Тагиле // Художественное образование: история и современность: материалы II Всероссийской научно-практической конференции 21 октября 2019 г. / НТГСПИ (ф.) РГППУ. – Нижний Тагил, 2019. – С. 123-130.

УДК 82.09

Маштакова Любовь Владиславовна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований,
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург, lika170288@mail.ru

СЕДОЙ УРАЛ КУЕТ МЕЧ: СИМВОЛ «МАГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ» В УРАЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ¹

В статье прослеживается история появления и развитие в советской и уральской культуре образа меча, воина с мечом и, в особенности, Урала, кующего меч, рассматривается символический потенциал этого образа и его современные интерпретации. Уникальность и органичность этого образа создается за счет его связи с дореволюционной заводской культурой.

Ключевые слова: мечи; клинки, Великая Отечественная война; уральская литература; русская литература; писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные образы; образ Седого Урала

Mashtakova Liubov Vladislavovna,
Candidate of Philology, Research Fellow of Laboratory
for Interdisciplinary Research in the Humanities,
Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Ekaterinburg

GRAY-HAIRED URAL FORGES A SWORD: A SYMBOL OF MAGIC WEAPONS IN URAL LITERATURE AND URAL CULTURE

The article traces the history of the emergence and development in Soviet and Ural culture of the image of the sword, the warrior with a sword and, in particular, the Ural forging the sword, examines the symbolic potential of this image and its modern interpretations. The uniqueness and organicity of this image is created by its connection to pre-revolutionary factory culture.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6131.2021.2. «Творческое наследие уральских поэтов и писателей в контексте исторических вызовов рубежа XIX–XX вв.».

Keywords: swords; blades, Great Patriotic War; Ural literature; Russian literature; writers; literary creativity; literary genres; literary images; image of the Gray Ural

Рассуждая о «советском» и «уральском» мифе в отечественной культуре XX века, А. Э. Мурзин пишет об их тесном и закономерном переплетении: «Имея в виду, что связь со своим “местом” с землей, на которой он живет, является одним из определяющих моментов для самоидентификации каждого человека, советский миф, таким образом, наиболее глубоко и незаметно проникал в его личность, “прорастал” сквозь нее» [8, с. 9]. Один из примеров такого взаимодействия – развитие в советской художественной культуре мифологемы меча/клинка, представленной в произведениях, связанных с Великой Отечественной войной.

Самые известные мечи в советском искусстве принадлежат скульптурам Е. В. Вучетича – Воину-освободителю (1949) в Берлине и Родине-матери (1959) в Волгограде. «Я только трижды обращался к мечу – один меч подняла к небу Родина-мать <...>. Второй меч держит острием вниз наш Воин-победитель <...>. Третий меч человек перековывает на плуг» [2], – писал сам Вучетич, постфактум выстраивая убедительный миф: опущенный и поднятый мечи разделяют около десяти лет. Неудивительно, что этот сюжет нашел продолжение (а, вернее, обрел начало) – это памятник «Тыл – фронту» (1979) Л. Н. Головницкого и Я. Б. Белопольского в Магнитогорске. Фигуры рабочего и воина держат меч: один его выковал, второй уходит на фронт. Композиция в Магнитогорске завершила «оборонительный» сюжет [13].

Символ меча в дискурсе «священной войны» появился гораздо раньше монумента Вучетича. На его закрепление в советской культуре повлиял популярный кинофильм С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938). «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» – фраза, приписанная зрителем историческому герою, ушла в тираж. Ее можно увидеть на военном плакате 1942 г. В. С. Иванова. Группа красноармейцев захватывает немецкий танк, на заднем плане над ними – призрак Невского и цитата Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков».

В том же 1942 г. пишет стихотворение «Меч» М. М. Джалиль. Пророчество князя-воителя исполняет хозяйка дома, впустившая на постой немецкого майора: «Умри! Кто к нам с мечом приходит, / Тот погибает от меча». Здесь же можно упомянуть более раннее стихотворение К. Г. Мурзиди 1941 г.: «Живет святое наше дело. / Поднявший меч / Погибнет от меча!» [7].

Советский воин с мечом, а не ружьем или, например, шашкой – сильный пропагандистский образ, создающий необходимую преемственность между советской армией и героическим досоветским прошлым, наглядно реализующий связь времен, миф о былинном богатыре. Но примечательно здесь другое: то, что меч, от которого должно погибнуть

врагу, куется именно на Урале, и этот факт как бы сам собой разумеется, более того, процессковки и передачи меча – действие почти сакральное, это подчеркивает магнитогорский монумент.

Обработка металла – мотив, в общекультурной традиции наделенный особым значением. Развивая эту мысль, М. П. Никулина осмысляет топографию уральского завода мифологически: «В заводе видели не только продолжение и проявление великой энергии земли, но еще инструмент упорядочения и организации этой энергии» [11, с. 79]. Представления о заводе как об особом сакральном месте находят подтверждения в литературе – от Д. Н. Мамина-Сибиряка до поэзии 1920–30 гг. «Менялось лишь само представление о реальности, которая приобрела отчетливый пролетарско-коммунистический характер» [14, с. 294], – пишет Ю. С. Подлубнова. Так, именно на Урале, могло быть добыто «магическое оружие» (В. Я. Пропп) для победы над эпическим злом, и ковался меч не советским пролетариатом, а самой землей – Уралом.

«Урал кует победу» (Куйбышевская и Свердловская киностудии, 1943) – этим емким названием авторы документального фильма 1943 г. заменили «Арсенал страны», тем самым подчеркнув условно фольклорный стиль повествования: «Седой Урал, – говорит диктор Л. И. Хмара в фильме, – Урал-батюшка, железный хребет – так славили его русские люди в старинных песнях». «Риторика дикторского текста изобилует мифологическими характеристиками: вместо точных дат – слово “издавна”, вместо точных размеров – “необъятные просторы”» [9, с. 203], – комментирует фильм Л. М. Немченко. Первая часть фильма посвящена историческому прошлому региона, диктор рассказывает о Смутном времени, истории побед русской армии, заканчивая патетически: «Уральские пушки грохотали по мостовым побежденного Берлина». В финале фильма на кадры боев, залпов накладываются кадры, снятые на уральских заводах, так что у зрителя не остается сомнений: едва ли не сама земля участвует в войне, это историческая миссия Урала, завещанная предками.

Одновременно со съемками фильма Урал, кующий победу, персонафицируется. В 1942 г. это рабочий, из-под молота которого выходят ровные колонны танков – акварельный плакат К. В. Зотова «Урал кует победу!».

В 1943 г. другой и более известный образ Урала создает эвакуированный в Нижний Тагил работник Харьковского завода имени Коминтерна И. И. Воскобойников – «Седой Урал кует победу» (об истории создания см. [5]). На картине на фоне пологих уральских гор и реки седой старик кует меч, его ноги переходят в стволы деревьев¹, корнями пере-

¹ Ср. у Ф. В. Гладкова в повести 1942 г.: «Урал свой я люблю, как, к слову, дерево любит свое природное место; корнями врос в прекрасные свои горы, леса и светлые озера» [3, с. 140]. Или у Л. В. Никулина об уральском старике-крестьянине: «Среди высоких, веко-

плетаются с пнем-наковальной. Центр композиции задает раскаленное острие меча, направленное вперед, свет от красного металла освещает лицо старика и сумеречный лес вокруг. Подчеркивается уникальность, магия момента: зритель воочию видит рождение самим местом, самими земными недрами «магического оружия»¹.

Образ, созданный Воскобойниковым, можно считать наиболее удачным и завершенным образом «Урала в обороне». Он сочетает в себе две параллельно развивающиеся линии, две ключевые темы в изображении Урала: мастеровая и «природная», воплощающая древность места (седой² Урал в литературе еще XIX в., «батюшка Урал», воспроизведенное, например, А. Караваевой или позже – А. Твардовским). Именно он растиражирован в массовой культуре Нижнего Тагила, стал одним из символов города и появляется на памятных знаках в честь присуждения городу звания «Город трудовой доблести» в 2020 г.

Фольклорная составляющая нарратива, связанного с ковкой меча, напрямую связана с авторитетом и популярностью творчества П. П. Бажова. Это тот случай, когда тенденция на укоренение советской культуры в традиции совпала с творческим потенциалом автора. В 1942 г. он создал свой сказ о «магическом оружии» – «Иванко-Крылатко».

Символический потенциал бажовского образа и златоустовской стали был очевиден столичному эвакуанту, ученику русских символистов Ю. Н. Верховскому. И в 1943 г. в сонете «Клинок уральский – восхищенные глаз...» он соединяет эти символы, закрепляя их в контексте связи времен, «души народа», свободы духа и творческой свободы, обретаемой в ремесле:

<...>Да будет это творческое слово,
Грядущему являя мир былого,
Оружьем столь же мощным на века,

Как эта сталь и как душа народа,
Как с ней одноименная свобода –
Крылатый конь уральского клинка [1, с. 392].

вых сосен, среди мачтового леса шел однолесток этих могучих деревьев, русский сказочный богатырь, выросший богатырем внуков и правнуков, по-богатырски защищающих родную, любимую землю» [10, с. 345].

¹ Отметим и нетривиальный вариант образа героя, добывающего меч: «Если ты хочешь знать – сам Сталин вынул меч из наших недр и путь фашистам преградил к Москве...» [12, с. 8]. Здесь же стоит вспомнить метонимию в более позднем тексте песни «День Победы» (1975) В. Г. Харитоновна: «Дни и ночи у мартеновских печей / Не смыкала наша Родина очей».

² Упомянем здесь также образ седого старика вообще, ассоциированного с местом. Так, в песне «На заре нового мира» (1919) С. И. Дерябиной – это Седое Время, старик, чья мантия «сливается с суровыми тонами окружающих скал» [4].

Сказовое творчество Бажова и мастерство писателя сравнивается со златоустовским булатом и гравировкой на стали: в первой строфе, несомненно, – крылатый конь заводского художника И. Н. Бушуева. Художественное слово – это мощное оружие в руках мастера, особенно необходимое в годы войны. Но для филолога и «последнего символиста» (Б. Рябини) Верховского не мог быть не важен и литературный контекст метафоры – образ кинжала, в том числе кинжала поэзии. Так транслируется важнейшая для поэта в 1940-е гг. мысль о связи времен в пространстве большой культуры и о художественном слове, в котором эта связь реализуется (см. подробнее: [6]).

Образ златоустовского клинка обращен и к современности. Клинок у Верховского – не абстрактный, но сделанный из златоустовской стали. Со сталью сравнивает поэт народную душу и творческое слово. Эта сталь – «аносовский булат», из которого отливалось оружие на заводе в Златоусте. Холодное оружие из Златоуста (знаменитые «черные ножи») независимо от Бажова имело символическое значение как часть своеобразного «оборонного манифеста» Урала. Напомним, в это же время к исторической памяти о златоустовском оружии обращаются авторы фильма «Урал кует победу».

Наконец, примером того, как сюжет о ковке «магического оружия» живет в современной уральской культуре, является памятник «Седой Урал» (2005) Г. Геворкяна на площади Обороны в Екатеринбурге. Богатырь-старик в хитоне выступает вперед, поднимая меч в ножнах. Если на более ранних памятниках, на плакатах, в живописи, в литературе сохраняются мотивы литья, плавки, заводской работы, в монументе Геворкяна они лишь *подразумеваются*. Символическим образ старика с мечом становится только в контексте: он объединяет как фольклорные представления об Урале-богатыре («Урал-батыр»), о древнем «Каменном поясе», о силе места, так и образы рабочего Урала, бажовского Урала, стоящего на руде, и в том числе, образ, созданный Воскобойниковым. Меч вложен в ножны, он не поднят и не опущен, он как бы демонстрируется зрителю, словно узнаваемый атрибут героя мифа. Сюжет, связывающий памятники в Магнитогорске, Волгограде и Берлине, напрямую здесь не проявлен, но он опять-таки не может не иметься в виду: меч был не просто выкован на Урале его рабочими, он был дан самим Уралом для защиты рубежей. Это подтверждают две надписи, неизбежно отсылающие к зеркальной композиции памятника в Магнитогорске: «Уральцам защитникам Родины» и «Уральцам, ковавшим победу». Усиливается эффект «расширения» символического образа и за счет расположения памятника на площади, с которой провожали на фронт свердловчан. Так, образ становится символом именно обороны, как бы напоминая о словах Александра Невского из фильма Эйзенштейна. Но считать эти смыслы становится возможным

только при должном владении контекстом: сконструированным советской культурой, но органичным для культуры уральской мифом.

Список литературы

1. *Верховский Ю. Н.* Струны: собрание сочинений / сост., подготовка текста, комм. В. Калмыковой. – М.: Водолей, 2008. – 926 с.
2. *Вучетич Е.* Мысли летят в будущее+ // Советская культура. – 1967. – 14 октября. – С. 4.
3. *Гладков Ф. В.* Опаленная душа // Урал грозный: сб. произведений сов. писателей / сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. А. Золотов. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982. – С. 140.
4. *Дерябина С.* На заре нового мира. – Екатеринбург: Типография политотдела Красной армии, 1919. – 28 с.
5. *Добрейцина Л. Е.* «Седой Урал кует победу»: история создания и перспективы использования образа // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.) / отв. ред. Г. Е. Корнилов. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2015. – С. 424-428.
6. *Маштакова Л. В.* Творческая рецепция символов Вяч. Иванова в сборнике стихотворений Ю. Верховского «Будет так» // *Studia Litterarum*. – 2019. – Т. 4, № 2. – С. 274-291.
7. *Мурзиди К.* В бою // Уральский современник. – 1941. – № 5. – С. 31.
8. *Мурзин А. Э.* Советский миф в судьбе Урала. – Екатеринбург: [б. и.], 2016. – 290 с.
9. *Немченко Л. М.* Мобилизация: от мира к войне (особенности кинопропаганды на материале документального фильма «Урал кует победу» и киножурнала «Советское искусство») // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2017. – № 2. – С. 203.
10. *Никулин Л. В.* Урал Южный // Урал грозный: сб. произведений сов. писателей / сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. А. Золотов. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982. – С. 345.
11. *Никулина М. П.* Камень. Пещера. Гора. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – 119 с.
12. *Пермяк Е.* Иван да Марья: Комедия в 3 д. – Свердловск: Профиздат, 1942. – 69 с.
13. Победоносный чудо-меч // Известия. – 1975. – № 39 (17882). – С. 6.
14. *Поддубнова Ю. С.* Домна и мартен в уральской поэзии 1920–1930 гг. // Стих. Проза. Поэтика: сб. ст. в честь 60-летия Ю. Б. Орлицкого. – СПб., 2012. – С. 292-298.

УДК 72.01

Скворцов Александр Викторович,
кандидат архитектуры, доцент, кафедра градостроительства
и ландшафтной архитектуры,
Уральская архитектурно-художественная академия,
г. Екатеринбург, 21976@mail.ru